

Ирина Мазаева
Погоня за парнем мечты
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318712
Погоня за парнем мечты: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-38266-8

Аннотация

Раньше она была серой мышкой, скромной, никому не интересной тихоней. Теперь все изменилось! Оля начала стильно одеваться и сразу почувствовала себя уверенней. Она даже осмелилась влюбиться в красавчика Гришу Ярцева, мечту всех девчонок школы. Возможно, именно ей повезет стать его девушкой – достаточно подружиться с крутой модницей Галей Сивцевой, попасть с ее помощью на нужную дискотеку... И только добившись своей цели, Оля поняла: на самом деле ей интересен совсем другой парень, а Галя никогда не считала ее своей подругой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Мазаева

Погоня за парнем мечты

Глава 1

Что такое не везет и как с ним бороться?

Оля Смирнова, ученица 9-го «В» класса, в новых узких-преузких, самых модных в классе джинсах, стояла в подъезде, прижавшись к батарее центрального отопления. Была пятница, но день не заладился с самого утра. Утро началось с того, что Оля обнаружила у себя на носу...

ОГРОМНЫЙ ПРЫЩ!!!

Впрочем, честно говоря, прыщ был не такой и огромный. Просто он был. И он был некстати. Потому что на вечер планировался торжественный выход в свет – на дискотеку в соседнюю школу, куда, по слухам, ходил парень ее, Оленькиной, мечты – Гришка Ярцев из 10-го «А».

Гришка Ярцев был мечтой всех девочек их школы, включая одиннадцатиклассниц. Он был высоким блондином с голубыми глазами и ямочками на щеках. И, к сожалению, он был прекрасно осведомлен о своей сногшибательной красоте и умело ею пользовался. Охотно общался со всеми девчонками, искавшими его общества, – перекидывался с каждой парой фраз, шутил, отпускал комплименты... и все. И дальше ни с одной из них дело у него не заходило. Хотя время от времени он провожал какую-нибудь счастливицу домой после школы или даже назначал свидание. После чего быстро терял к ней интерес, предоставляя жертве его сногшибательной красоты право страдать от неразделенной любви и насмешек завистниц. Гришка же неизменно уходил в неизвестном направлении со своим другом – Олиным одноклассником Женькой Антиповым.

Женька Антипов был самым умным не просто в их параллели, но и во всей школе. Он выигрывал олимпиады, получал гранты, ездил с какими-то докладами во Францию. Его еще в детстве «свернуло» на тему экологии, и теперь, казалось, он уже знал о состоянии дел на планете все, что только можно было знать. И даже больше этого – он предсказал все экологические катастрофы на десять лет вперед. И все было бы замечательно, но... Но сам Антипов был невысоким, с волосами мышастого цвета и безо всяких ямочек на щеках. Как говорится, и посмотреть-то не на что. Что их объединяло с Ярцевым, никто не знал.

Оле Смирновой нравился Ярцев, и совершенно не нравился Антипов. Чужие неудачи ее не смущали. Она влюбилась, а потому ни капли не сомневалась, что стрела Амура, поразившая ее сердце, не пролетела и мимо Ярцева. А тут еще разведка донесла, что на свете существует одно замечательное место, где красавца-блондина можно застать без довеска-брюнета, и это место называлось «дискотека в соседней школе». И вот сегодня пятница, у нее суперузкие обтягивающие все на свете джинсы, ботильоны на шпильках и мохнатая шубка, призванные раз и навсегда покорить недоступное сердце Ярцева. И прыщ на носу, который непременно все испортит. Но прыщ – это еще цветочки...

На дискотеку Оля Смирнова собралась отправиться с первой красавицей их класса Галькой Сивцевой. Галка Сивцева уже не первый раз ходила на дискотеку в соседнюю школу – у нее там была подружка, а потому с ней было идти как-то надежнее – все-таки чужая территория. К тому же – Оля знала точно – Сивцевой нравился одиннадцатиклассник из той самой школы, куда они собирались на дискотеку. И что из этого следовало? Правильно, ей не нравился Ярцев, и, стало быть, она не была Олиной соперницей.

Сивцева, кстати, первая заметила ее прыщ.

– Фу, Смирнова, у тебя прыщ! – еще с утра в школе скривилась она.

– Да, представляешь?.. – расстроено протянула Оля. – Не знаю, что и делать...

– Прыщ на носу – это к любви! Это любовь вылезает! – встряла верная Олькина подружка Ленка Денисова, с которой они сидели на одной парте – самой последней в первом ряду.

Сивцева сидела перед ними. Она еще раз извернулась назад, чтобы рассмотреть нос Смирновой.

– Как ты могла такое допустить? Ты что – за кожей не ухаживаешь?

Оля почувствовала себя полной дурой. Она почему-то всегда себя чувствовала полной дурой, общаясь с Сивцевой. Ее снова попыталась защитить верная Ленка:

– Ой, да ладно тебе! Как будто у тебя никогда не бывает прыщей!

– У меня – не бывает! – Сивцева вытащила из сумочки зеркальце, долго разглядывала свое отражение, а налюбовавшись, обернулась к подружкам: – Так ты, Смирнова, пойдешь на дискотеку или не будешь пугать народ?

Оля была готова провалиться сквозь пол кабинета, но отступить не собиралась:

– Пойду!

И тут прозвенел звонок на урок.

А на втором уроке Оля Смирнова схлопотала «пару» по истории. Потому что вчера она вместо того, чтобы внимательно выслушать домашнее задание, сидела, уставившись в окно, и мечтала о своем Ярцеве. И, конечно же, слова педагога Марьи Ивановны Разумовской проскочили мимо ушей. Оля честно выучила 24-й параграф, который шел следующим после темы, которую они разбирали вчера. А сегодня Марья Ивановна Разумовская вызвала ее к доске и потребовала ответить... параграф № 25.

Оля устала на Марью Ивановну, что называется, как баран на новые ворота. А Марья Ивановна устала на нее, радуясь, как ловко подловила ученицу на невыученном уроке. Марье Ивановне было за пятьдесят, у нее не было ни семьи, ни детей, но было то, что называется «профессиональной деформацией» – стремление учить всех всему и всегда. И в тот момент педагогиня даже порозовела от удовольствия, предвкушая справедливое возмездие, которое она собиралась обрушить на голову нерадивой ученицы.

– Что же ты молчишь, Смирнова? – начала она издалека.

– Марь-Иванна, но ведь вы задавали 24-й параграф... – Оля уже поняла, что ей грозит, но сказать что-нибудь все-таки было нужно.

– Я задавала 24-й и 25-й. Чем ты слушала? Или у тебя на уроке есть более важные занятия? Ты понимаешь, Смирнова, что государство тратит деньги на твое обучение? Ты понимаешь, что мы, учителя, получаем копейки, а еще и вынуждены заниматься вашим воспитанием – твоим и других таких же бездарей, как ты? Ты знаешь, Смирнова, во сколько твоим родителям обходится твое содержание?..

После пятнадцатиминутного публичного унижения Оле разрешили сесть на место. Настроение, основательно подпорченное прыщом еще с утра, упало до нуля. Ни новые джинсы, ни пятница, ни перспектива встречи с Ярцевым не радовали. А ведь еще предстояло объяснение с родителями, которые тоже очень любили намекнуть дочери, что жизнь нынче дорога. Что они, конечно, не против покупать ей одежду и давать деньги на дискотеку, но только если она будет хорошо учиться, то есть – получать «пятерки». «Двойка» грозила полным перекрытием финансового потока на ближайшую неделю вообще и невозможностью посетить дискотеку сегодня, в частности.

Но вышло все еще хуже.

Оля вернулась домой из школы и сразу залезла в ванну. Она повалялась в горячей воде с тонирующим эфирным маслом, приняла душ с гелем серии «ароматерапия», вымыла

волосы, намазала их маской, обещавшей сделать их в три раза здоровее и в четыре – пышнее. Потом она сама себе сделала маникюр – покрасила ногти ярко-фиолетовым лаком. А подумав, сделала то же самое с ногтями на ногах. Потом влезла в свои суперузкие джинсы со стразами на попе, в топик с кошечками на груди, которые должны были светиться в ультрафиолетовом свете дискотеки, уложила волосы... И в этот момент вернулась мама. Осталось всего ничего – замазать прыщ и накрасить глаза. Но мама была не в духе.

У всех девочек в этом возрасте бывают проблемы с мамами. Оля знала, что это так и должно быть, а потому, как могла, избегала острых углов. Например, Олина мама считала, что девочка Олиного возраста должна носить черные юбки до колен, черные брючки и блузки с рюшами. От слова «блузка» Олю трясло. Но она, сцепив зубы, выслушивала все мамини нотации, а потом выпрашивала у папы деньги и шла в магазин выбирать джинсы и туники. После чего мама со своими нотациями переключалась на папу, а ее, Олю, оставляла в покое. Вот и сейчас, увидев, что дочь явно куда-то собирается, Олина мама тут же завелась:

– Вырядилась! Что это на тебе? Ты сама себя в зеркало видела? Я не понимаю этой вашей моды! Где юбка, которую я тебе купила в позапрошлом году? Такая красивая, скромная черная юбочка. А куда вообще ты собралась на ночь глядя?

Оля про себя считала от одного до десяти и от десяти до одного, чтобы не завестись. При словах «черная юбочка» ей сразу вспоминалось, как вплоть до прошлого года она ходила в этой самой черной юбочке и была посмешищем не только всего класса, но и параллели. И никакой личной жизни у нее не было! Ни один мальчик не смотрел в ее сторону. Да что там мальчики! Девочки не хотели с ней общаться, потому что считали ее дурочкой. И только с приходом в их класс Ленки все изменилось.

Оля сжала кулаки, чтобы не разреветься. Но поддаваться порыву не следовало: в дневнике у нее стояла «пара», а за это могли и не отпустить на дискотеку.

– Мама, какое «на ночь глядя»? Пять часов еще только. Я в одиннадцать буду дома, – спокойно ответила Оля.

– Она еще будет со мной спорить! Вот поговорю с отцом, чтобы он не давал тебе деньги на шмотки. Как там его... Гришка... Хрюшка... Мала еще за парнями бегать! – Было поздно: мама заводилась все сильнее.

Оля двести раз давала себе зарок:

НИКОГДА НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАТЬ МАМЕ!!!

Но ей иногда так хотелось поделиться с кем-то своими тайнами. Так хотелось, чтобы мама была ее подружкой, с которой можно обсуждать все-все. Ведь мама старше – она же может посоветовать, как лучше поступить... Умом-то Оля понимала, что ее мама никогда не будет ей подружкой. Если она что и посоветует, то только надеть черную юбку и никуда не выходить из дома.

И более того, она знала, что любые откровения с мамой выходят ей боком. Неделью назад она не выдержала и раскрыла ей свой секрет про Гришку Ярцева. Про то, что он такой красивый, такой веселый, у него такие ямочки... Мама выслушала ее, вроде бы даже порадовалась, что дочь влюбилась. И вот тебе, пожалуйста! Как говорится: «Вы имеете право хранить молчание; все, что вы скажете, может быть использовано против вас».

«Зачем я ей рассказала про Гришу?!» – взывала Оля про себя. Это были грабли, на которые она наступала постоянно. И постоянно ей было очень больно. И тут она не выдержала:

– Я не маленькая! И Гришка обратит на меня внимание! Потому что эти джинсы мне очень идут! Почему, ну почему каждый раз, когда я куда-то иду, тебе обязательно нужно испортить мне настроение?!

– И сразу мать во всем обвинить нужно? Быстро снимай джинсы. Не получишь, пока с матерью разговаривать не научишься!

Снять джинсы, в которых она должна была окончательно и бесповоротно покорить сердце парня ее мечты, Оля не могла. Тем более что альтернатива была только одна – черная юбка до колена. Потому что взаимопонимание с папой Оля нашла не так давно, и его хватило пока что только на джинсы, два топики, одну тунику и ботильоны на шпильке.

– Не отдам, не отдам... – Оля быстро обулась и схватилась за шубку.

– Ты никуда не пойдешь! – отчеканила мать.

– Я пойду! – и с этими словами она быстро выскочила из квартиры.

– Можешь не возвращаться! – донеслось из-за двери.

В подъезде Оля расплакалась.

Ну почему, почему ей так не повезло с матерью? В чем она виновата? Времена изменились – никто не носит черные юбки! Можно купить красную, желтую, сиреневую юбку – какую угодно. И это так красиво – носить яркую модную одежду! Всю свою жизнь Оля была в классе серой мышкой в черных юбках и дурацких блузках. Всеобщим посмешищем. Затравленным одиноким зверьком. Как хорошо, что Оля смогла с этим справиться! Она знает, что она – вполне симпатичная и интересная девчонка.

Оля вытерла слезы и решительно полезла в сумочку, которую подхватила в последний момент. Достала мобильный, пристроилась к батарее центрального отопления и позвонила Сивцевой.

– Слушай, Галь, у меня тут проблемы с родителями... Можно, я зайду к тебе, чтобы накраситься? А то у меня не получилось дома. А косметички с собой нет. А потом вместе пойдем на дискотеку...

– Деньги взяла? – по-деловому спросила та.

– М-м-м... – замялась Оля. – Может, ты мне одолжишь? Я тебе потом отдам...

– Извини, у меня нет. Не переживай, сходишь в другой раз. Пока.

У Оли снова предательски задрожала нижняя губа и противно зашипало в носу.

Глава 2

Снова в детский садик!

Почему в жизни все так несправедливо? Сегодня должен был быть самый счастливый день в ее жизни! Оля это чувствовала, чувствовала еще ночью. Она не помнила, что ей снилось, но снилось что-то очень замечательное. Такое доброе-доброе, радостное. Как будто ей что-то подарили, что-то очень хорошее...

Оля повернулась лицом к окну и постаралась вспомнить, что же все-таки ей приснилось. Во сне она шла по городу, по какому-то сказочно красивому городу с диковинными нарядными зданиями. Светило солнце. Небо было идеально голубое. А потом она где-то стояла. На площади. К ней подошел... волшебник. Или волшебница? И подарила ей... Огромный букет цветов, над которыми порхали бабочки. Оля проснулась вся в слезах от счастья.

Оля озадачилась: к чему бы это? Сон, она не сомневалась, был хороший: когда что-то дарят – это всегда хорошо. Но почему же тогда день выдался из рук вон плохим? Сначала прыщ, потом насмешки Сивцевой, потом «пара» по истории, потом скандал с мамой... И Сивцева эта еще... Денег пожалела! А вот она бы, Оля, в такой ситуации обязательно одолжила подруге денег!

Оля печально вздохнула. Подруге... Никакая Сивцева ей не подруга. Это, скорее, Оля всеми возможными способами навязывалась первой красавице класса в подруги. Угощала жвачками и шоколадками на переменах, давала списывать домашние задания – пыталась стать нужной. Слишком долго она, Оля, была серой мышкой – изгоем в классе. Теперь ей хотелось выбиться в элиту. Чтобы ее считали самой модной, самой продвинутой, самой крутой. Чтобы с ней советовались, что надеть и как заполучить понравившегося парня.

Денег ни на «Elle», ни на «Vogue» у нее не было, поэтому приходилось сидеть в Интернете на модных форумах. На одежду денег тоже не было, поэтому приходилось постоянно придумывать какие-то аксессуары – бусы, заколки, сумочки, шапочки-перчатки, – чтобы хоть как-то разнообразить свой скудный гардероб. Но у нее был негибкий характер и сила воли. Поэтому этот день должен был стать ее, Оли Смирновой из 9-го «В», звездным днем. Она должна была появиться королевой на дискотеке и сразить наповал Гришку Ярцева. Чтобы он не просто проводил ее до дома и позвал на свидание, а начал с ней встречаться назло всем остальным девчонкам!

А вместо этого она стоит теперь в подъезде в обнимку с батареей, в джинсах, ботильонах и шубке, слушая, как завывает за окном самая настоящая метель. А еще у нее нет денег. И нет никаких перспектив на вечер.

Оля посмотрела на часы: вот-вот должен был прийти домой папа. Это был ее последний шанс: подловить его у лифта и попросить денег. И тогда можно будет смело бежать к Сивцевой, быстро замазывать прыщ и отправляться осуществлять свои мечты.

Едва она об этом подумала, как тут же услышала, что лифт подъезжает к ее этажу. Она быстренько перепрыгнула девять ступенек пролета и вцепилась в папин рукав:

– Папа, я тут на дискотеку побежала, а деньги забыла; ты мне не дашь немного, а то я уже опаздываю?..

– Чего? – устало откликнулся тот. – Куда ты собралась? Там такая метель. И как тебя мама отпустила? Сиди дома...

И решительно шагнул к квартире.

Это было полное и окончательное предательство.

Чтобы не разреветься прямо тут и не попасться на глаза маме, Оля бросилась сломя голову вниз по лестнице.

На улице действительно была самая настоящая зима с метелью. На дворе стояло начало декабря, но за последние годы все как-то привыкли, что до января снега, а тем более метелей, нет. Оля быстро натянула на голову капюшон шубки и засунула враз застывшие руки в карманы. Слезы, не успев докатиться до подбородка, замерзли у нее на щеках. Она обошла дом и вышла на улицу. И остановилась в нерешительности: а куда идти?

Капюшон сорвало порывом ветра и за шиворот тут же насыпало холодного колючего снега. Оля взвизгнула и побежала к остановке, за металлической стенкой которой можно было спрятаться от жестокого ветра. Ей было мучительно жалко себя. И еще казалось, что никто ее не любит.

Ее не любили родители. В этом она не сомневалась. И мама, которая не хотела понимать современную моду, и папа, который не дал денег. И еще ее не любила Галька Сивцева, к которой она навязывалась в подруги. Оля все свои карманные деньги тратила, чтобы покупать ей шоколадки, а она смотрела на нее как... как... как на прислугу! Оля прислонилась спиной к металлической стенке и снова заплакала. Идти ей было некуда.

– Ты что, спятила что ли – плакать на морозе? – спросил кто-то рядом с ней. – На носу сосулька вырастет!

Оля, быстро вытерев слезы, обернулась на голос. Рядом с ней стояла девчонка примерно ее возраста, но одетая как-то странно. На ней было черное полупальто, черные джинсы, заправленные в высокие черные ботинки. На голове была черная шапочка, из-под которой выбивались светлые кудри. «Готка», – подумала было Оля, но эти самые кудри ее немного смутили: готы обычно и волосы красят в черный цвет.

– Так-то лучше, – обрадовалась ее собеседница. – Что-то ты не похожа на эмо, чтобы страдать по пустякам.

– Я не эмо, – быстро открестилась Оля, – и я страдаю не по пустякам. Я из дома ушла.

– Прекрасно. Поздравляю!

– С чем?!

– Ты ушла из дома. Это первый взрослый поступок.

– Что в нем взрослого? Я не знаю, куда идти!

– Пойдем со мной, – предложила черная девушка. – Меня, кстати, Вилли зовут.

– Вилли? – удивилась Оля. – А я – Оля.

– Ты – Оля, а я – Вилли. Чего тут непонятного?

– А куда мы пойдем? – поинтересовалась Оля.

– Увидишь. Тебе ведь все равно идти некуда. Тут близко. – И Вилли повела Олю через дворы.

Все, что Оля успела выяснить, пока они шли: Вилли старше ее на год и учится как раз в той школе, куда они собирались на дискотеку с Сивцевой. Но о цели их стремительного полубега через метель Вилли упорно молчала. Оля бежала рядом, гадая, куда ее ведут и стоило ли вообще доверять новой знакомой. «Конечно же, не стоило! Как и не стоило впутываться в приключения», – это говорил голос рассудка. А другой голос шептал: «Ты что?! Приключения – это самое замечательное в жизни!» И поэтому она шла. Они свернули на широкий проспект, и теперь заговорить с Вилли Оле мешал ветер, бивший мелким снегом в лицо, а потому только и оставалось – умирать от любопытства.

Неожиданно Вилли решительно снова свернула во дворы, а там – на территорию детского сада и аккуратно поскреблась в дверь служебного входа здания.

– А зачем нам сюда? – шепотом спросила заинтригованная Оля.

– Увидишь, – спокойно пожала плечами Вилли.

Оля и боялась идти неизвестно куда с неизвестной девчонкой, и радовалась: это было настоящее приключение! А как мало в ее жизни было приключений!..

Дверь между тем распахнулась, и Вилли быстро втощила ее внутрь. Парень, который пустил их, приложил палец к губам и указал рукой на лестницу, и девчонки послушно поднялись вверх. Было заметно, что Вилли уже не раз здесь бывала – она целенаправленно завела Олю в одно из помещений на втором этаже. На двери Оля заметила вывеску «Подготовительная группа «Василек». А за дверями были голубые и розовые шкафчики, маленькие скамеечки и стульчики... Оля не удержалась и чуть-чуть всплакнула от умиления: ведь не так давно и она ходила в садик, оставляла свою одежду в шкафчике...

Вошел парень, и Вилли представила их друг другу:

– Это – Сакс. Это – Оля. Я нашла ее на остановке, рыдающую в три ручья. Она ушла из дома.

– Я не рыдала в три ручья! – Оле почему-то не хотелось, чтобы в новой компании ее воспринимали как плаксу.

Сакс был в черной футболке с надписью «Ыграю Реп», в драных джинсах и тапках. На вид ему было лет семнадцать. У него были длинные темные волосы, собранные сзади в хвост. В Олиной школе тоже встречались неформалы. В классе у них училась эмо-девочка и мальчик-панк. Поэтому она совершенно спокойно реагировала на подобную одежду. Просто все это ей казалось... немного нелепым. Ведь можно было как-то убедить родителей покупать им хорошую одежду. Да и журналов, по которым можно определиться, что носить, тоже полно. И у всех есть Интернет. Зачем же добровольно делать из себя пугало?

– Да ладно, не парься, – тут же легко согласился парень. – Раздевайся, проходи. – А потом обратился к Вилли: – Что вы так рано? Еще поздняя группа не ушла. Там еще двоих детишек не забрали. Елена Никитишна с ними. Пока она не уйдет – не пошуметь.

– А кто из наших пришел? – спросила Вилли.

– А никого еще. Вы первые.

Они разделись и зашли вслед за Саксом в помещение подготовительной группы «Василек». Вилли тут же расположилась в дальнем углу на ковре в обнимку с ядовито-зеленым бегемотом почти с нее ростом. Остальные последовали ее примеру. Оле не терпелось начать расспрашивать, почему они здесь, кто еще придет и что будет, но она, как всегда, с незнакомыми жутко стеснялась. Вилли сама решила ввести ее в курс дела:

– Сакс – мой двоюродный брат. Он работает охранником в этом детском садике. Поэтому мы здесь. Он учится в музыкальном училище, играет на саксофоне – отсюда и кличка. Мы здесь собираемся посидеть, потрепаться, а главное – порепетировать. Я учусь в музыкальной школе по классу фортепиано. Это предки настояли. А вообще я больше гитару люблю. Скоро ребята придут – друзья Сакса. Они все из общаги. А в общаге попробуй позанимайся. Там всегда шум, кто-то на чем-то играет, кто-то поет, старшекурсники пьют, или просто народ веселится всеми возможными способами. Вот мы все и используем садик, чтобы играть.

– А-а... – сказала Оля, не зная, что ответить.

Она вдруг поняла, что, во-первых, она здесь – самая младшая. Во-вторых, сейчас сюда придет еще куча незнакомых ей молодых людей. В-третьих, все они – неформалы, с которыми она никогда в жизни не общалась. Было еще и в-четвертых, и в-пятых. Но Оля старалась об этом не думать. Потому что она уже начала отчаянно стесняться. Да еще и про прыщ ненавистный вспомнила. А ведь она так и не успела его замаскировать!

– О! Елена Никитишна уходит! Ништяк, живем! – вдруг обрадованно подскочил Сакс. – Пошли в актовый зал!

Действительно, внизу хлопнула дверь, и все затихло. Сакс и Вилли поднялись, и Оле ничего не осталось, как последовать за ними.

Садик был построен буквой «Н», актовый зал располагался в перемычке. Одна его стена была сплошь стеклянная – было видно, как за окном метет снег. В углу стоял огромный

черный рояль, за который тут же пристроилась Вилли. Она быстро пробежала руками по клавишам и стала наигрывать какую-то веселую мелодию. А Сакс пустился в пляс.

Оля стояла с широко открытыми глазами и разинутым ртом. Они так странно себя вели... Как сумасшедшие. Разве так можно придуриваться? Да еще при незнакомом человеке? Сакс попытался вытащить Олю на середину зала, чтобы станцевать вдвоем, но Оля испуганно замотала головой. Вырвалась и забилась в противоположный угол, усевшись на детский стульчик.

«Ну что за день-то такой?! – она схватилась за голову. – Час от часу не легче: теперь к каким-то придуркам попала». Но тут Вилли оборвала мелодию и сказала, обращаясь к Саксу:

– Что ты пристаешь к человеку? У нее день тяжелый. Она из дома ушла.

– Да я наоборот... Думал развеселить ее... – смутился тот и спросил, обращаясь к Оле:

– Ты как? А что случилось-то? – Он направился было к ней, но...

Но в стекло прямо напротив него ударился увесистый комок снега.

– О, – обрадовался Сакс, – ребята пришли! – и побежал открывать.

– Я не могу, не могу... – Оле казалось, что нужно как-то объясниться с Вилли. – Я не могу так просто взять и начать танцевать. Я – другая. Мне хочется спрятаться где-нибудь...

– Не переживай, – отмахнулась Вилли, – сейчас все разбредутся по разным помещениям и будут играть себе. А ты можешь где хочешь присесть или просто развалиться на ковре... Я так обожаю валяться на ковре, когда кто-то играет. Если хорошо играет, конечно. И лежи себе. Музыка, она от многого лечит. И от неудачных дней тоже. А ты, кстати, играешь на чем-нибудь?

У Оли никогда и мысли не было освоить какой-нибудь музыкальный инструмент, но сейчас, кажется, она впервые об этом пожалела...

– Нет, не играю.

– Тогда просто слушай.

Раздались шаги, и в помещение ввалилась группа парней с футлярами разной формы. Они шумно поздоровались с Вилли, подозрительно покосились на Олю, но и ей поулыбались. Все они тоже были неформалами. И Оля впервые почувствовала себя не в своей тарелке. Она всегда считала, что нормальные люди одеваются красиво, как в глянцевых журналах, а потому на всех, кто носит драные джинсы и ботинки, смотрела свысока. Но сейчас ей вдруг стало не по себе... Она в своем топике с кошечками, джинсах со стразами на попе и ботильонами была здесь как-то... не к месту.

Между тем вошедшие разделись. И только последний из них еще стоял в смешной кроличьей шапке-ушанке. Причем одно ухо у него лежало на макушке, а второе торчало в сторону. Казалось, он, как собака, приподнял его, прислушиваясь к чему-то.

Впрочем, выделялся он не только шапкой. Кроме нее, на нем было старенькое серое пальто непонятного покроя, из-под которого торчали оранжевые джинсы. А на шее был намотан не то шарф, не то какая-то сеть с искусственными цветами. Оля, которая никогда таких странно одетых молодых людей не видела, смотрела во все глаза. А парень этот вдруг схватил Сакса за плечо:

– А почему ты нас не знакомишь? – и внимательно посмотрел на Олю.

Встретила бы она такого на улице – стороной бы обошла, как чокнутого: мало ли что. А тут ничего, взяла себя в руки и подошла к компании.

– Это – Оля! – представил ее Сакс.

Глава 3

Быть как все или не быть?

В Олином 9-м «В» училось двенадцать девочек и тринадцать мальчиков – всего двадцать пять человек, – и роли уже были распределены. Первой красавицей класса считалась Галька Сивцева – она была бессменным лидером девочек класса с пятого, когда все отчаянно начали интересоваться модой и пытаться дружить с мальчиками. Галькины родители хорошо зарабатывали, о чем она всегда к месту и не к месту сообщала, а потому могли ей покупать любую одежду, какую ей захочется.

А хотелось Гальке многого: она меняла наряды почти каждый день: сегодня новые джинсы, завтра – новая кофточка, послезавтра – сапожки. А уж про бусы, сережки, заколки – и говорить нечего: их у нее, как всем казалось, было два сундука драгоценностей, как у какой-нибудь сказочной принцессы. Галька активно использовала макияж, делала прическу, красила ногти и выглядела благодаря этому всему на несколько лет старше всех одноклассниц – по-взрослому.

Разговаривала и вела себя она тоже по-взрослому: томно растягивая слова, говорила не фразами, а формулами. Оле всегда казалось, что это какая-то не ее, не естественная подростковая мудрость, а что-то заимствованное, вычитанное из книг, но тем не менее ей всегда было завидно, что у Гальки есть ответы на все вопросы и она никогда не лезет за словом в карман.

Оля вообще жутко завидовала Сивцевой. Ей тоже хотелось быть лидером: быть самой красивой, самой модной и чтобы ей все завидовали. Но она об этом и не мечтала. Была довольна и тем, что первая красавица класса время от времени хотя бы обращает на нее внимание. Ведь еще год назад Галька, казалось, вообще не знала, как ее, Олю, зовут.

Сивцева придирчиво выбирала себе подруг. Она дружила только с теми, кто модно и богато одевался. Это – во-первых. Во-вторых, с теми, кто безоговорочно принимал ее как лидера: смотрел ей в рот, когда она говорила, и никогда не перечил. Ближайшей ее подружкой считалась Анжела Иванова, вице-мисс их класса. Потому что ее родители тоже были небедные, и одевалась Анжелка не менее роскошно. Да и большей частью слушалась она Сивцеву беспрекословно. Ругались они, правда, часто и в основном из-за мальчиков. Потому что всегда умудрялись влюбиться в одного и того же. И мирились только тогда, когда обе теряли к объекту большой неземной любви какой бы то ни было интерес.

Были в классе еще шесть девочек – их верная и вечная свита. Эти девочки не могли себе позволить так часто менять наряды, не пользовались особым успехом у мальчиков, а потому просто ходили стайкой за Сивцевой и Ивановой, жадно внимая любому их замечанию о моде или парнях. Время от времени Галька или Анжелка приближали одну из свиты к себе – звали вместе с собой в кафе или на дискотеку. Но, как правило, это было продиктовано какой-либо корыстью, а когда корысть бывала удовлетворена, тут же теряли к девочке всякий интерес. Что не мешало той и дальше оставаться их верной почитательницей.

Еще совсем недавно Оля и сама была в этой свите. И она тоже мечтала, чтобы ее, серую мышку в черной юбке до колена и дурацкой блузке, Галька Сивцева подозвала к себе однажды и пригласила с собой в кафе. Но никогда, вплоть до девятого класса, первая красавица этого не делала, от чего Оля страдала и даже иногда плакала вечерами в своей комнате.

Ситуация поменялась с приходом в их класс Лены Денисовой. Лена пришла и как-то сразу выбрала себе в подруги Олю. Просто предложила сесть вместе на свободную заднюю парту у окна. Оля весь восьмой класс сидела за партой с такой же серенькой девочкой, как

она сама, и очень стеснялась этого. Дружить она пыталась пусть не с самой Галькой, так хотя бы с ее свитой, но их было шестеро, и они все сидели парами друг с другом. А потому Оля охотно приняла приглашение новенькой. К тому же та ее сразу расположила к себе: Ленка показалась Оле какой-то по-настоящему взрослой, независимой и уверенной в себе. А поскольку ей самой именно этих качеств не хватало, то на второй же день учебного года они уже сидели вместе.

С приходом Ленки жизнь Оли поменялась, как по волшебству. Во-первых, она вдруг потеряла всякий интерес к девчонкам из свиты Сивцевой и Ивановой – она решила, что если уж стремиться к верхушке классной иерархии, то сразу – дружить с лидером, с Галькой. К тому же, положив руку на сердце, ни одна девочка из свиты так и не стала ее подругой: ей как-то не интересно было разговаривать ни с одной из них. А с Ленкой было интересно. С Ленкой было очень интересно! Она вообще оказалась совершенно необычной, с точки зрения Оли.

Во-первых, Лена почему-то не зауважала и не заобожала сразу Гальку Сивцеву. Она просто посмотрела на нее пару раз пристально, прослушала парочку Галькиных «мудростей» и... И просто забыла о ее существовании. Оля была не то чтобы удивлена... Она была в шоке.

Нет, конечно, были в классе и другие девочки, которые не набивались в подруги Сивцевой... Например, та самая Нина Румянцева, с которой Оля до Ленки сидела за партой. Но Нина Румянцева, по Олиному мнению, была такой серой, скучной и несимпатичной и так ужасно одевалась, что Галька Сивцева умерла бы со смеху, увидев ее рядом с собой. Нина, наверное, это понимала, а потому держалась особняком.

Была еще Машка Гаврилова, которая классе в пятом вдруг стала эмо. Уж как над ней издевались Сивцева с Ивановой!.. Точнее, не сами они, конечно, а свита, которую они грамотно подначивали. Свита – шесть девчонок, рабски преданные королеве класса, высмеивали и дразнили Машку с утра и до вечера по одному только знаку Сивцевой. А Машка ничего, вытерпела, не отказалась от своего имиджа. А потом и вовсе интересно вышло: быть эмо стало модно, и Галька однажды сама поманила к себе пальчиком Гаврилову и пригласила ее в кафе. А Гаврилова... А Гаврилова смирила королеву класса презрительным взглядом и никуда не пошла. Роли поменялись: теперь Сивцева искала общества Машки, а та ее игнорировала. Потом Машка перестала быть эмо, и между ними установилось равновесие: они друг друга не замечали.

А потом появилась Ленка. Которая сразу не обращала внимания на Гальку. Хотя та изо всех сил пыталась показать новенькой, кто здесь главный. Так, Сивцевой был введен неписаный дресс-код класса: что можно носить, а что нет. Например, в класс нельзя было прийти в короткой юбке. Короткой юбкой считалась любая юбка выше колена. Нельзя было прийти на каблуках выше семи сантиметров. Нельзя носить яркую одежду. В свою очередь, нужно было одеваться модно, дорого и по-взрослому. Все, кто нарушали негласные запреты или одевались недостаточно модно, подвергались немедленному высмеиванию со стороны свиты, натравленной самой Сивцевой.

Ленке было все равно. Она носила юбки, а под них надевала оранжевые колготки. И однажды сказала Оле:

– А ты не задумывалась, почему Сивцева против юбок и каблуков?

– Нет... – помотала головой Оля: она принимала табу как нечто вечное и незыблемое.

– Потому что у самой Сивцевой ноги кривоваты и тонковаты, вот она и не носит мини.

А чтобы ей было не завидно, запрещает это делать и другим!

– А каблуки?

– Так она же сама по себе невысокая, как мы с тобой. Но мы с тобой не комплексуем, а она до смерти боится оказаться ниже кого-то ростом!

От такого откровения Оля потом долго приходила в себя. Она ведь привыкла воспринимать одноклассницу как... идола. И поклоняться ей. А оказалось, что у Сивцевой внешность не без недостатков, да и комплексы есть...

И тут Сивцева вдруг прониклась интересом к Оле. И позвала первый раз с собой на дискотеку.

– Странно все это... – сказала Ленка.

Но Оля не смогла отказаться от предложения. Это же САМА СИВЦЕВА ПОЗВАЛА ЕЕ!

Тем более что она позвала Олю на дискотеку в школу, куда, по слухам, ходил парень ее мечты – Гришка Ярцев.

Ленка не протестовала. Сама она на дискотеки не ходила, предпочитая проводить вечера дома за компьютером или с книгой на диване. Но потом охотно выслушивала Олькины рассказы о вечерних приключениях. Парня мечты у Ленки не было, но она обеими руками была за то, чтобы у подруги в личной жизни все было хорошо. Оля же изо всех сил поддерживала в Ленке уверенность, что с Сивцевой она общается только ради компании на дискотеку, чтобы увидеться с парнем своей мечты, но вовсе не из-за того, что хочется ей, ох, как хочется, чтобы Сивцева одобрила ее, признала за равную, приблизила к себе...

Ведь Сивцева для Оли была пропуском не только в мир моды и гламура, но и – самое главное! – в мир мальчиков. Оле казалось, что нужно во всем походить на Гальку: одеваться, как она, краситься, как она, говорить, как она, думать, как она, – и тогда в нее тоже начнут влюбляться мальчишки!

На каждой перемене все девочки собирались вокруг Сивцевой, и она рассказывала, как познакомилась с очередным мальчиком, какой он оказался симпатичный и стильный и как сразу же влюбился в нее. Галька знакомилась с парнями везде: на дискотеке, на улице, в кино, в кафе, даже в магазине, если ее родители вдруг отправляли за хлебом. Сивцева была хранилищем самых сногшибательных историй о любви, главной героиней которых, естественно, была она сама.

Лидер мальчиков их класса, Дима Морозов, с пятого по восьмой класс был в нее сначала тайно, а потом явно влюблен. В конце восьмого класса они встречались целых три месяца, а потом Сивцева встретила другого и бросила самого симпатичного мальчика их класса, не раздумывая. Девчонки уже так много раз слышали эту историю, что стали путаться, что было на самом деле – а ведь все они были свидетельницами этой истории! – а что Галька немного присочинила. К середине девятого класса уже все искренне верили, что все было именно так, как она рассказывает, и несчастный Морозов до сих пор страдает и даже – о ужас! – хотел выкинуться из окна от несчастной любви.

Оля даже весь сентябрь мечтала, чтобы он обратил на нее внимание, а она-то уж точно сделает все, чтобы склеить его разбитое сердце. Но, несмотря на то, что папа дал ей денег на суперузкие джинсы и ботильоны на шпильках, а Сивцева несколько приблизила ее к себе, противный Морозов совершенно не желал падать к ее ногам, пронзенный стрелой Амура. «Ну и не надо! – решила Оля, обидевшись. – Я найду себе другого». И тут же влюбилась в Гришку Ярцева.

Ярцев, правда, несмотря на все волшебные преобразования, пока что тоже не спешил падать к ее ногам. Он попросту не замечал скромную девятиклассницу. Но Оля верила, что достаточно сходить на дискотеку, где он бывает, с Галькой Сивцевой, как ее, Галькина, аура распространится и на Олю, и на Гришку, Амур хорошенько прицелится, и между ними закрутится безумный роман.

Какая девчонка не мечтает о любви в пятнадцать лет? Конечно, каждая мечтает. Вот и Оля, подражая первой красавице, старательно одеваясь каждый день в школу и окрашиваясь, ждала и верила, что вот-вот все сложится, как она мечтала. Она всегда считала, что

большинство – оно всегда право, и если все красиво одеваются и стараются казаться взрослыми, чтобы нравиться мальчикам, значит, так оно и должно быть.

– Разве плохо быть как все? – спрашивала она Ленку.

– Не знаю... – уклонялась от ответа та.

– А мне кажется, ты так не думаешь! – настаивала Оля.

– А мне кажется... Вот ты подумай, – начинала всякий раз Ленка, – ты ждешь своего принца, своего особенного принца, да?

– Да, конечно! И я не жду – я его уже встретила!

– Вот он такой весь особенный, а ты – как все. Как-то это неправильно...

Этот довод всякий раз немного смущал Олю... Но она старалась не думать о сложных вещах. Она ясно видела свою цель в жизни и уверенно шла к ней. Ей казалось, что нужно меньше сомневаться, и тогда все обязательно получится.

Глава 4

Дело всей жизни — что это?

– И что? Этот парень в шапке-ушанке на самом деле выглядел глупо? – с сомнением в голосе спросила Ленка.

В субботу прямо с утра Оля прибежала к верной подруге, они заперлись в ее комнате и говорили без перерыва уже третий час. Оля подробно рассказала и про скандал с родителями, и как познакомилась с Вилли, и как та привела ее в детский садик неподалеку.

– Потом этот парень, ну, который был в шапке-ушанке, спросил, как меня зовут. А я еле смех сдерживала. Он таким придурком выглядел, что я даже ничего сказать не могла! – сообщила Оля. А Ленка засомневалась и задала свой вопрос.

– Конечно, глупо! – ответила Оля. Она совсем не сомневалась в своих словах. – И так смешно, – и она пустилась в подробности объяснять, как выглядел парень в шапке. – А ты бы видела его волосы! Он, когда шапку снял, добил меня окончательно: они у него зеленые! Как можно ходить с такими волосами?! – закончила она.

– Знаешь, – все выслушав, вынесла вердикт Ленка, – а мне, наоборот, даже захотелось познакомиться с ним. Я считаю, нужно одеваться наперекор моде! Как его зовут-то хоть?

– Никита. Разве что имя красивое.

– Имя как имя. Кто он вообще, чем занимается? – не отставала Ленка: ей нужны были не эмоции, а факты.

– Ну... Я так поняла, что все они в музыкальном училище учатся. На разных отделениях. Сакс играет на саксофоне. Никита – на гитаре. Еще с ним пришли Горшок, который играет на тубе, и Глеб-скрипач. Что такое туба – я не знаю.

– Туба – это такая большая труба.

– А ты откуда знаешь?

– Я же тебе говорила, я в детстве в музыкальную школу ходила. Я скрипачка.

– Ты – скрипачка? – поразились Оля. – А почему я тебя со скрипкой ни разу не видела?

– Потому что это такой адский труд... Представляешь, мне пять лет было, а меня заставляли сначала по часу в день играть, потом по два, потом по три... И так каждый день. Не удивительно, что лет в десять-одиннадцать меня уже тошнило от музыки.

– И сейчас тошнит? – Оле так понравилось вчера, как играли на своих инструментах ее новые знакомые, что она даже представить не могла, что кого-то от музыки может тошнить.

– Сейчас проверим.

Ленка полезла куда-то на шкаф и вытащила слегка запыленный футляр, из которого ловко извлекла... маленькую скрипочку. И сама удивленно уставилась на нее.

– Это же одна четвертая... – разочарованно протянула она. – Детская. А сейчас-то я могу уже на взрослой играть...

– Сыграй что-нибудь! – взмолилась Оля.

– Не могу я на этом играть! Да и потом, я же уже ничего не помню. Мне разыгрываться снова надо. Вспоминать.

– Леночка, пожалуйста, разыграйся как-нибудь, поиграй мне!

– Да... Сильно тебя разобрало. – Ленка, несмотря на Олины просьбы, убрала скрипку. – А остальные – такие же яркие, как Никита?

– Да нет. Не такие, конечно, как Никита. Горшок, например, был во всем черном. Как и Вилли. Только очень мрачный. Как будто у него все умерли. А Сакс был в смешной жел-

той с синими цветами рубаше. Какой-то женской. Такие люди хорошие, талантливые, а так одеваются! Это же ужас какой-то.

– Неформалы – что поделать.

– Неформалы – это ужасно!

– С каких это пор ты не любишь неформалов?

Оля и сама задумалась: а с чего это вдруг она так невзлюбила неформалов? Она вспомнила про Машку Гаврилову – эмо. И про Стаса Верещагина – панка. Машка стала одеваться в черное и розовое еще года три назад, когда никто ничего – по крайней мере, в их школе – про эмо не знал, и над ней вся компания Гальки Сивцевой издевалась. Машка стойко держалась, объясняя, что она – эмо, слушает эмо-музыку и так далее, и тому подобное. Ее сторонились. А потом эмо вошли в моду, и на Машку стали смотреть с уважением. Только она уже избавилась от своей черной челки. «Теперь эмо-культура стала попсой», – сказала Гаврилова. Оля ничего не поняла, просто решила, что Машка наконец повзрослела.

А Стас Верещагин, казалось, панком и родился. Сколько Оля помнила его, в их классе он всегда выделялся странным видом. А теперь у него еще был фиолетовый ирокез, который Марья Ивановна заставляла его гладко зачесывать назад. Верещагин, кроме того, и учился плохо, и уроки прогуливал. Как он говорил, принципиально. Но поскольку контрольные он писал хорошо и был, в общем-то, совсем не дурак, ему многое прощалось.

Оля с Машкой никогда не общалась, потому что, хоть Машка и перестала быть эмо, Галька Сивцева ее не выносила. А с Верещагиным... Ей просто было несколько странно видеть рядом с собой парня с фиолетовыми волосами. То ли дело – Дима Морозов. Посидеть рядом с ним в столовой или уйти в одном направлении из школы – это было круто. Галька Сивцева это бы одобрила. А Верещагина она, как и Машку, не терпела. Пообщайся с ним Оля на перемене – и не видать ей дружбы с первой красавицей класса.

Но, положив руку на сердце, ни Машка Гаврилова, ни Стас Верещагин не были ей неприятны. Тогда почему же она вдруг так ополчилась на своих новых знакомых, которые к тому же так хорошо играли?

– Я не плохо отношусь к неформалам, а... – начала Оля, – просто все эти черные одежды, большие ботинки, хипповские шарфы... Я этого не понимаю. Да и нечего тут понимать. Ведь одежда...

Оля пустилась в долгие объяснения, что такое одежда. Сама она так долго была вынуждена носить черные юбки и старинные блузки, так недавно дорвалась до модной одежды, что могла говорить о моде с утра до вечера. Оля моду боготворила. И боготворила всех людей, которые умели модно одеваться. Сама же она старательно влезала в свои узкие модные джинсы, в топики со стразами и ботильоны на каблучке.

– Разве одежда – это смысл жизни? – перебила, усмехнувшись, Ленка.

Конечно! Оля денно и ночно мечтала о шопинге в бутиках. Мечтала о Гуччи и Версаче, о платиновой карте со счетом в пять, нет – шесть! – знаков. Чтобы можно было купить себе одежды, сколько хочется. Все-все платья, которые есть на страницах «Космополитена», «Elle» и «Vogue» вместе взятых. И много-много обуви. Самой-самой разной. И балеток, и сандалий, и сабо, и вечерних туфель, и ботильонов, и полусапожек, и сапожек, и без каблука, и на огромном каблуке, и на платформе, и кожаных, и замшевых, и лаковых, и с мехом, и черных, и красных, и серо-буро-малиновых в крапинку. И огромный шкаф, чтобы было где все это богатство хранить.

– А что в этом плохого? – удивилась Оля. – Галька Сивцева... Да все девчонки об этом мечтают, о красивой одежде!

– А я нет!

– А о чем ты мечтаешь? – снова удивилась Оля.

– Не знаю... – задумалась Ленка.

– У тебя и мечты-то нет! Я, по крайней мере, точно знаю, что я хочу! А ты как всегда сомневаешься!

– Я хочу влюбиться... – мечтательно протянула Ленка.

– Фи! Конечно! Все хотят влюбиться!

Оля тут же вспомнила про Гришку Ярцева и расстроилась...

– А ведь из-за исторички, мамки моей и жадной Сивцевой я с Ярцевым не увиделась!.. Эх, как все глупо вышло...

– Да ладно тебе, – утешила ее Ленка, – это ведь не последняя дискотека: увидишься еще и сразишь наповал.

– Я не сомневаюсь! Знаешь, какой мне вчера сон приснился? Я весь день его пыталась вспомнить, а вечером вспомнила! Я во сне одна шла по городу. Только не по нашему, а по какому-то сказочно красивому городу. И дома там были такие красивые... Светило солнце. Небо было идеально голубое. А потом я оказалась на площади. Тоже очень красивой. И ко мне подошла фея. Из воздуха возникла. Такая красивая, вся в белом... И подарила букет цветов с бабочками. Я проснулась такая счастливая-счастливая. Даже расплакалась от счастья. К чему бы это, интересно?

– А чего тут непонятного? Влюбишься ты. Однозначно.

– Что значит – влюбишься? Я уже давно влюбилась. В Гришку Ярцева. Я и сама знаю, к чему этот сон – к тому, что все у нас будет хорошо. Поэтому и не расстраиваюсь, что мы вчера не увиделись. Я о нем вчера весь вечер думала. Никита, который с зелеными волосами, остался играть в актовом зале. А мы с Вилли, как она и посоветовала, развалились на ковре рядом с огромным окном от пола до потолка. А он играл. Какую-то испанскую музыку. Такие зажигательные мелодии. Очень красивые. А потом, наоборот, какие-то лиричные, медленные. Я прямо так и представляла, как мы с Ярцевым увидимся, как поцелуемся в первый раз... Кто бы подумал, что гитара – такой интересный инструмент?

– Конечно, – обрадовалась Ленка. – Гитара замечательный инструмент! На гитаре можно...

Но Оля ее перебила:

– И он так играл, так играл... Главное было не смотреть, как по-дурацки он одет. Я и не глядела в его сторону. А потом посмотрела на часы и поняла, что если я тут же не побегу домой, то мама меня убьет.

– Ты же из дома ушла?

– Никуда я не ушла! Это же все просто так, – отмахнулась Оля. – Еле доковыляла до дома на своих шпильках. И от мамы еще попало. Слушай, а может, мы чаю выпьем? У меня уже в горле пересохло от разговоров.

Они почаевничали и снова вернулись в Ленкину комнату.

– А что с музыкантами? В смысле, ты еще к ним пойдешь? – поинтересовалась Ленка.

– В том-то и дело! Не знаю, – честно призналась Оля. – Знаешь, как мы расстались? Просто «пока-пока». Они все остались еще играть. Как будто никому домой не надо! Хотя нет, Вилли сказала, что у них там вечеринка потом... Какая вечеринка?! Ночью?

– Они же старше нас!

– Вот и это тоже... Они такие веселые, играют хорошо, но они... другие. Я так странно себя чувствовала среди них... ну... со своими стразиками...

– И у Вилли ты телефон не взяла?

– Я как-то не подумала! – Оля даже расстроилась. – Мне ведь показалось, что с Вилли не о чем разговаривать. Вот и не сообразила продолжать знакомство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.